

Миссия по возвращению бумажного комка учителю Ян всё же легла на плечи Ли Жуна.

Поскольку Ян Фанфан чувствовала перед ним вину, его небольшая вспышка раздражения была воспринята как нечто само собой разумеющееся. Получив измятую бумагу, она поначалу выглядела растерянной, а разгладив листок, и вовсе лишилась дара речи.

Однако, встретившись с безмятежным взглядом Ли Жуна, она проглотила все готовые сорваться с языка замечания. Расправив многострадальное уведомление, учительница лишь недовольно поджала губы, глядя на размашистую подпись директора, которую тот едва не превратил в каллиграфический шедевр. Ради уважения к высокому начальству, обожающему оставлять свои автографы на важных документах, Ян Фанфан вложила приказ в учебник, надеясь хоть немного его разровнять.

— Учитель, если это всё, я пойду, — произнес Ли Жун.

Он уже собрался уходить, когда Ян Фанфан внезапно схватила его за руку. Она открыла рот, но губы лишь беззвучно дрогнули. Слова, казалось, застряли в горле, скованные нерешительностью. В конце концов женщина лишь крепче сжала его предплечье, нервно потирая ладонь другой рукой.

Ли Жун поднял глаза и мягко улыбнулся:

— Учитель, если вам есть что сказать — говорите.

Ян Фанфан лишь тяжело вздохнула.

Этот мальчик вызывал у неё щемящее чувство жалости. За последнее время, занимаясь делами Ли Жуна, она несчетное количество раз вступала в конфликт со своей совестью — как педагог, как старший товарищ и просто как человек.

Раньше она искренне восхищалась им. Ли Жун был умен, талантлив, дисциплинирован, обладал безупречной репутацией и незаурядной внешностью. Казалось, Бог создал его любимцем судьбы, предназначенным вкушать лишь радости этого мира.

Как классный руководитель, она не раз общалась с Ли Цинли и Гу Нун. К этим двум ученым она испытывала глубочайшее почтение и доверие. Они были самыми добрыми, снисходительными и милосердными представителями высшей интеллигенции, которых она когда-либо встречала; Ян Фанфан даже гордилась тем, что может вести с ними доверительные беседы.

Когда грянул скандал, интернет захлестнула лавина обвинений. Каждое преступление

описывалось так убедительно и подробно, словно вина их была неоспорима. Но вот парадокс: те «чудовища» из сети не имели ничего общего с людьми, которых она знала лично.

Возможно, человеческая натура сложна, и она не ведала о тайной стороне жизни Ли Цинли и Гу Нун. Но её собственного, пусть и поверхностного, опыта было достаточно, чтобы не верить ни единому слову в сети даже при полном отсутствии доказательств обратного.

Но она была слишком ничтожна и бессильна. Она не могла выступить в защиту погибших ученых и уж тем более не смела открыто встать на сторону их сына. Она — лишь крошечный винтик в социальном механизме. Когда все вокруг клеймят позором семью Ли, ей оставалось хотя бы молчать, чтобы не выглядеть белой вороной в толпе.

Тем не менее каждый раз, когда она требовала от Ли Жуна от чего-то отказаться, она чувствовала, как от её совести заживо отрывают кусок. Она начинала сомневаться, имеет ли вообще право называться учителем.

— Я заметила, что в последнее время ты... сблизился с Цэнь Сяо.

Ян Фанфан понизила голос. Ей не хотелось касаться этой темы, но она понимала: если промолчит сейчас, то будет жалеть об этом до конца своих дней.

Ли Жун не сразу отреагировал на её слова.

Поначалу он намеренно сближался с Цэнь Сяо из чистой выгоды. Опыт прошлой жизни убедил его: хотя методы, которыми тот заполучил его, были омерзительны, а их манера общения долгое время вызвала лишь ненависть, Цэнь Сяо по-настоящему обожал его лицо и тело. Глубокого духовного единения между ними, возможно, и не было, но поверхностного влечения к внешней оболочке юноше вполне хватало для достижения целей.

Однако нынешний Цэнь Сяо вел себя иначе.

Ли Жун чувствовал прежнюю страсть к своей внешности в его взглядах, но поступки парня стали сдержанными, в них появилось несвойственное ему терпение. Возможно, Цэнь Сяо еще не обрел ту власть, к которой стремился, а потому не позволял себе лишнего.

Сердце не камень; Ли Жун помнил всё то зло, что причинил ему собеседник, но он не собирался игнорировать и те моменты, когда тот проявлял к нему заботу.

Ему просто стало любопытно, почему Ян Фанфан вдруг завела об этом разговор.

В душе учительницы бушевала борьба. С одной стороны, она знала, что не имеет права выдавать секреты учеников, с другой — боялась, что последний из семьи Ли по глупости погубит свою жизнь.

— Ли Жун, я хочу, чтобы в будущем ты жил спокойно и мирно. Но для этого тебе нужно... держаться как можно дальше от «Ланьшу».

Ли Жун приподнял бровь.

— Мы с Цэнь Сяо отлично ладим. Разве это плохо?

Если бы Ян Фанфан знала, что в прошлой жизни он связался с Цэнь Сяо только после университета, а их отношения были тайной для всех, и всё же он загадочным образом погиб — она вряд ли стала бы советовать ему держаться подальше от Объединенной торговой палаты.

Учительница посмотрела на него как на наивное дитя и сокрушенно покачала головой.

— Вы проучились в одном классе два года. Ладили ли вы раньше? Почему же всё так внезапно изменилось именно сейчас? Подумай об этом хорошенько.

Её намек был более чем прозрачен. Ли Жун был достаточно умен, и она надеялась, что он поймет её предостережение.

Когда Цэнь Сяо отказался менять старосту, Ян Фанфан не придавала этому значения. Но инцидент с болезнью Ли Жуна и поведение парня заставили её насторожиться. С чего бы Цэнь Сяо везти одноклассника в больницу? В сказки о «крепкой мужской дружбе» она не верила.

Но Ли Жун сделал вид, что совершенно не понимает подоплеку её слов, и невинно захлопал ресницами:

— Теперь мы сидим за одной партой, стали больше общаться. Естественно, отношения улучшились.

Ян Фанфан стиснула зубы. Раз уж она зашла так далеко, отступить было некуда.

— Я, как классный руководитель, владею кое-какой информацией. Цэнь Сяо собирается подавать документы в Девятый район. Сделай выводы.

На этот раз Ли Жун действительно опешил.

С момента его перерождения не произошло ни одного события, которое не вписалось бы в его планы или расчеты. Но то, что сейчас сообщила Ян Фанфан, было единственным случаем, когда реальность резко отклонилась от прежнего курса. Причем отклонилась на немыслимое расстояние.

Девятый район «Ланьшу» был местом, от которого болела голова как у Исследовательского института «Хунсо», так и у Объединенной торговой палаты. Формально он принадлежал торговой палате, но фактически не подчинялся ей и не поддерживал никаких официальных связей с остальными районами.

Люди там были... пожалуй, их можно было назвать странными. Ли Жун никогда не видел таких существ: предельно хладнокровных, фанатично дисциплинированных, словно лишенных эмоций машин. Даже он почти ничего не знал об их системе отбора, внутреннем управлении и методах работы.

Ему было известно лишь одно: исполнительный отдел Девятого района, который в узких кругах называли отрядом «Призрачный глаз», был Дамокловым мечом, висящим над головой каждого.

Тем не менее правила приема в Девятый район были открытыми. У них не было возрастных ограничений — любой, кому исполнилось восемнадцать, мог подать заявку на экзамен. В случае успеха кандидат получал работу, но для официального зачисления в штат требовалось нечто особенное — «подношение», доказательство абсолютной преданности.

Ян Фанфан, вероятно, полагала, что Цэнь Сяо помогает Ли Жуну лишь для того, чтобы выудить из него компромат на его родителей — факты, которые еще не всплыли на поверхность. Эти сведения и стали бы его «подношением» для вступления в ряды «Призрачного глаза».

Однако Ли Жун не верил, что Цэнь Сяо действительно собирается его использовать. Даже в прошлой жизни именно благодаря Цэнь Сяо он избежал множества проблем.

Приходилось признать: семья Сун поступила мудро, наладив связи сразу и в «Хунсо», и в «Ланьшу» — это во многом упрощало жизнь.

В прошлой жизни Цэнь Сяо поступил в Третий район через обычный экзамен на втором курсе университета. Там он чувствовал себя как рыба в воде и, вероятно, через пару лет полностью отстранил бы своего отца, Цэнь Цина, от дел.

«Неужели в школьные годы он нацеливался на Девятый район?»

Впрочем...

«Если Цэнь Сяо действительно попадет в Девятый район... — Кадык Ли Жуна едва заметно дернулся, он опустил веки, скрывая вспыхнувший в глазах расчет. — Это могло бы принести мне куда больше пользы, чем я предполагал»

Когда он вышел из кабинета Ян Фанфан, солнечный луч, падающий в световой колодец, уже медленно сместился. Лицо ожидавшего его Цэнь Сяо выражало крайнее нетерпение. Парень нахмурился и мельком взглянул на часы.

— Почему так долго?

Ли Жун замер у двери, склонив голову набок и несколько секунд молча разглядывая его. Прежде чем Цэнь Сяо успел что-то заподозрить, он лучезарно улыбнулся и с притворным удивлением воскликнул:

— Ты всё это время ждал меня?

Он не стал спрашивать о том, что собеседник решил утаить. Даже если бы он спросил, вряд ли получил бы правдивый ответ.

Цэнь Сяо всё же уловил нечто странное в его пристальном взгляде и негромко спросил:

— Что тебе наговорила Ян Фанфан?

Ли Жун пожал плечами и притворно вздохнул:

— Уговаривала не пороть горячку и хорошенько подумать над тем, чтобы отказаться от квоты. Мол, я и сам легко поступлю.

Это объяснение было безупречным. Ян Фанфан и впрямь была из тех нудных и болтливых классных дам, которые обожают «разговоры по душам» и стремятся с высоты своего опыта навязать ученикам общепринятые ценности и правила выживания в обществе.

Цэнь Сяо на время удовлетворился этим ответом. Он отвел взгляд и, засунув руки в карманы, направился в сторону класса.

— И после этого ты будешь утверждать, что не ждал меня? — Ли Жун тихо хмыкнул, в его голосе прозвучало самодовольство.

Когда он бывал доволен собой, то непроизвольно чуть поджимал губы, словно набирая в рот немного воздуха. Если смотреть на него сбоку, глаза его в такие моменты блестели хитро и весело, делая лицо юноши удивительно живым.

Цэнь Сяо предпочел сделать вид, что не расслышал.

Многое из того, что произошло за последнее время, выходило за рамки его расчетов. Его отношение к Ли Жуну, его открытое покровительство... Он привык действовать расчетливо и не любил, когда события отклонялись от намеченной траектории. Пока он не обрел достаточно силы, ему следовало держаться от Ли Жуну подальше — или, по крайней мере, делать вид перед окружающими.

Но Ли Жун был совершенно неуправляем.

Как и он сам...

Ли Жун ускорил шаг, догоняя Цэнь Сяо.

— Ты когда-нибудь ел в нашей столовой? Может, сходим сегодня в обед? А то как-то неправильно оканчивать школу, ни разу там не побывав.

Ни в прошлой, ни в нынешней жизни он ни разу не переступал порог школьной столовой. Гу Нун была помешана на здоровом питании и запрещала ему есть жирную или пересоленную пищу. Его завтраки, обеды и ужины всегда были тщательно сбалансированы и приготовлены её руками.

В свободное от научных изысканий время Гу Нун умудрилась получить диплом повара высшего разряда, сертификат нутрициолога, мастера чайной церемонии и даже профессионального массажиста... Ли Жуну казалось, что у матери была страсть к коллекционированию дипломов: каждый раз, получая очередную корочку, она радовалась больше, чем премии Галена. Ли Цинли на это лишь философски замечал, что у каждого человека должно быть хобби помимо работы.

Цэнь Сяо бросил на него быстрый взгляд и без тени сочувствия разрушил его иллюзии:

— Только ты там и не был. Мы не такие неженки.

Он прекрасно знал, как жила семья Ли до катастрофы. Водитель аккуратно к назначенному часу привозил в школу термосы с едой. Эти ланч-боксы всегда были изысканными, а их содержимое напоминало произведения искусства.

Он не раз видел, как Ли Жун сидел в кухонном уголке на верхнем этаже. Парень устраивался у окна, расстилал на коленях салфетку и со спокойным видом открывал контейнеры. Он ел неспешно, держа спину идеально прямо и чуть склонив голову — в каждом его движении сквозило врожденное благородство.

Что же касается самого Цэнь Сяо, то его родители — Цэнь Цин и Сяо Мужань — вероятно, даже не подозревали о существовании в Школе А столовой.

Ли Жун мельком глянул на Цэнь Сяо и понял, что слишком многое принимал как должное. Он считал, что тот с его происхождением, как и он сам, никогда не притрагивался к жирной столовской еде. Но, кажется, Цзянь Фу упоминал, что они не могут позволить себе «изумрудный рыбный суп» и обходятся обычными обедами.

«Оказалось, он тоже не до конца знал Цэнь Сяо»

— Ох, как холодно. Совсем забыл взять электрогрелку, — пробормотал Ли Жун.

Он чуть придвинулся к Цэнь Сяо и в тот момент, когда их плечи соприкоснулись, совершенно естественно скользнул рукой в его карман. Его пальцы тут же окутало чужим живым теплом.

Застигнутый врасплох, Цэнь Сяо непроизвольно замер. Рука в его кармане оставалась неподвижной. Пальцы Ли Жуна были ледяными — настолько, что казалось, по его жилам течет не кровь, а замерзшая вода. В тот миг, когда он просунул руку, он словно похитил половину тепла из кармана.

Никто и никогда еще не осмеливался использовать Цэнь Сяо в качестве электрогрелки.

Ли Жун, сохраняя невозмутимый вид, блаженно вздохнул:

— Как тепло... Дай погреться.

Шло время уроков, и в коридоре не было ни души. Свет из светового колодца падал вертикально вниз, достигая самого нижнего этажа, а в переходах гулял зябкий сквозняк. До класса оставалось еще приличное расстояние — слишком большое, чтобы Ли Жун успел согреться сам.

Цэнь Сяо не стал отстраняться. Они сделали еще пару шагов. Веки парня едва заметно дрогнули, и он, не вынимая руки из кармана, накрыл ледяные пальцы Ли Жуна своей широкой, горячей ладонью.

<http://bllate.org/book/15351/1419647>